

Научная статья
УДК 343.13
EDN BJWSCL
DOI 10.17150/2411-6122.2024.3.69-82

Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года

Е.Ю. Миронова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
zpu2013@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится исследование норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на предмет установления в них нравственных начал. Интерес к исследуемой теме обусловлен следующими факторами: наступающий 2024 г. является юбилейным для Устава уголовного судопроизводства (160 лет с момента принятия одного из базовых нормативных актов судебной реформы Александра II); значимость в современных условиях исторических вех становления и развития отечественного права; актуальность темы нравственных начал в уголовном судопроизводстве, исследование тенденций развития которых невозможно без знания их исторического пути. В статье нравственные начала рассмотрены с точки зрения осуществления уголовно-процессуальной деятельности и сгруппированы таким образом, что включают в себя положения о законности привлечения к уголовной ответственности, соблюдении прав участников уголовного судопроизводства, условиях и порядке предварительного следствия и судебного разбирательства, судебных издержках, особенностях исполнения приговоров и иные. В заключении автор приходит к выводу о нравственной обусловленности исследованных положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и появлении благодаря этому нормативному акту крепкого нравственного базиса в отечественном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: судебная реформа, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., нравственные начала, порядок уголовного преследования, состоятельность в уголовном судопроизводстве.

Для цитирования: Миронова Е.Ю. Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года / Е.Ю. Миронова. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.3.69-82. — EDN BJWSCL // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 3. — С. 69–82.

Original article

Moral Foundations of Criminal Procedure Activities under the Statute of Criminal Procedure of 1864

E.Yu. Mironova

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, ni_malykhina@mail.ru

Abstract. The author examines the norms of the Statute of Criminal Procedure of 1864 with the purpose of establishing their moral foundations. The interest to this topic is conditioned by the following factors: the year 2024 is the anniversary year for the Statute (160 years since the adoption of one of the basic normative legal acts of the court reform of Aleksander II); the relevance of historical milestones of the establishment and development of Russian law in the modern conditions; the

relevance of the topic of moral foundations in criminal proceedings whose development trends cannot be studied without the knowledge about their historical path. In the paper, the moral foundations are examined from the standpoint of criminal procedure activities and broken into groups to include clauses of the justice of criminal prosecution, the observance of the rights of criminal procedure participants, the conditions and procedure of the preliminary investigation and the court hearing, court costs, specifics of executing punishments and others. At the end the author draws conclusions regarding the moral foundations of the examined clauses of the Statute of Criminal Procedure of 1864 because it was due to this normative act that Russian criminal proceedings acquired a strong moral basis.

Keywords: judicial reform, the Statute of Criminal Procedure of 1864, moral foundations, criminal prosecution procedure, adversarial nature in criminal procedure.

For citation: Mironova E.Yu. Moral Foundations of Criminal Procedure Activities under the Statute of Criminal Procedure of 1864. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no 3, pp. 69–82. (In Russian). EDN: BJWSCL. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.3.69-82.

В отечественной истории XIX век ознаменовался грандиозными переменами, большинство из которых пришлись на время правления императора Александра II. Самыми заметными из них являются отмена крепостного права (1861 г.), финансовая (1863 г.) и земская реформы (1864 г.). Особое место в череде политических преобразований того времени занимает судебная реформа 1864 г. Результатом этой реформы стало принятие судебных уставов, коренным образом изменивших подход не только к осуществлению правосудия, но и к развитию нравственного аспекта этой деятельности.

Следует отметить, что работа комиссий по разработке судебных уставов была длительной и скрупулезной. Итогом деятельности комиссий стала разработка четырех уставов, ставших нормативной основой судебной реформы: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС)¹, Устав гражданского судопроизводства и

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [1, с. 17].

УУС среди иных актов выделяется тем, что успешное устройство именно уголовного суда способствует формированию доверия граждан к судебной власти, ведь как отмечал Д.А. Ровинский, «благодаря гласности, общество, прежде всего, пойдет в уголовный, а не в гражданский суд, и на основании виденного там составит оно свое мнение вообще о судебной реформе» [2, с. 51]. Именно благодаря нахождению в поле действия уголовного судопроизводства происходит в умах людей созревание мысли о справедливом или несправедливом правосудии, гуманном или карательном, честном или формальном.

Особенный смысл проводимой судебной реформы сводится к формированию благодаря УУС нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности, коим не было отведено достойного и значимого места при существовавшем ранее правовом регулировании.

Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности следовало бы охарактеризовать как базовые идеи нравственного характера, отра-

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Список актов конституционного значения 1600–1918 гг. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

женные в нормативном акте, регламентирующем порядок уголовного судопроизводства, а также этические истоки деятельности участников уголовного судопроизводства.

Примечательно, что нравственные начала в уголовном судопроизводстве того времени — «нетленные строки, написанные немеркнущим сиянием народной правды» [3, с. 106] были обстоятельно исследованы талантливым современником и комментатором УУС А.Ф. Кони, которым он посвятил один из своих самых знаменитых трудов, ставших классическим [3]. И неслучайно автор тщательно исследует нравственные начала именно в разрезе осуществления уголовно-процессуальной деятельности его участниками, прежде всего, судьями, красной нитью пропуская через весь труд идею этичного поведения судьи и нравственно обусловленного принятия им решений, основанных на нестесненном ничем внутреннем убеждении и вложении в них всей доступной справедливости, не обходя в то же время вниманием необходимость действия согласно нравственному закону на всех стадиях процесса [4, с. 78–80].

В этом смысле УУС в сравнении с предшественниками является воплощением наиболее гармоничного для того времени воссоединения нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности практически всех участников судопроизводства. Не ставя в разряд эталона качества нормативного акта его структуру, тем не менее «отцы» судебной реформы 1864 г., разрабатывая УУС, уделили внимание аспектам этичного осуществления уголовно-процессуальной деятельности практически всеми профессиональными участниками уголовного судопроизводства, хоть и не отражая это в наименованиях разделов и глав.

Сгруппируем эти нравственные начала по различным основаниям, выделив те из них, которые связаны с:

- соблюдением закона, порядка судебного преследования и привлечения к ответственности;

- составом суда;

- состязательностью и равенством прав сторон;

- соблюдением и восстановлением прав участников уголовного судопроизводства, а также, в частности, с:

- а) реабилитацией лица, незаконно привлеченного к ответственности,

- б) возмещением вреда, причиненного преступлением;

- производством предварительного следствия;

- порядком и условиями разбирательства дела;

- доказательствами и доказыванием;

- производством по уголовному делу, рассматриваемому с участием присяжных заседателей;

- распределением судебных издержек;

- исполнением приговора.

Первую группу составляют нравственные начала, связанные с соблюдением в ходе уголовно-процессуальной деятельности закона, а также порядка судебного преследования и привлечения к ответственности, на которых, как представляется, зиждутся базовые идеи о нравственном и безнравственном в сфере уголовного судопроизводства.

Так, в соответствии со ст. 1 УУС никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава. Таким образом, нормативный акт не допускает иного порядка привлечения к уголовной ответственности, кроме того, который

определен УУС, что создает условия для соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, охраняя их от произвола. Иные нормы этой группы, имеющие безусловное нравственное основание, являются производными от нормы ст. 1 УУС.

В ст. 8–11 УУС содержатся нормы о порядке задержания и содержания под стражей. Согласно ст. 8 УУС «никто не может быть ни задержан под стражей иначе как в случаях, законами определенных, ни содержим в помещениях, не установленных на то законом». В соответствии со ст. 9 УУС, «требование о взятии кого-либо под стражу подлежит исполнению лишь в том случае, когда оно последовало в порядке, определенном правилами настоящего Устава». В ст. 10 УУС закреплена обязанность судьи и прокурора в пределах своего участка или округа следить за законностью процедуры содержания под стражей и предпринимать меры к немедленному освобождению каждого, кто «неправильно» лишен свободы. Указанным должностным лицам также следует блюсти содержание лиц в надлежащих местах заключения и принимать меры к их нахождению в надлежащих условиях (ст. 11 УУС). Целый ряд норм, посвященных вопросам задержания и содержания под стражей, олицетворяет исходный «строительный материал» для формирования не только нравственных начал осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но и для дальнейшего конструирования системы принципов уголовного судопроизводства, основанных на безопасности личности, уважительного к ней отношения, признания и соблюдения ее чести и достоинства.

О необходимости правильного толкования судами закона с целью его

правильного применения в уголовно-процессуальной деятельности имеется упоминание в ст. 12 УУС, для чего употребляется термин «точный разум существующих законов». При этом обеспечение единообразия и устранение противоречий и недостатков существующих норм должно достигаться путем уяснения общего смысла законов. Согласно ст. 13 УУС, разрешение дела не может быть приостановлено судом в связи с неясностью и противоречивостью законодательных норм. В противном случае виновный в указанном деянии судья должен быть привлечен к ответственности. Стоит ли в указанном контексте вести речь о высокой значимости точного, единообразного и правильного толкования существующих норм, а также способности судей при отсутствии необходимых норм и противоречивости существующих найти наиболее отвечающий общему посылу законов ответ, когда законодатель предусмотрительно сделал на этом яркий акцент?

Ст. 14 УУС является отражением единства принципов осуществления правосудия только судом и презумпции невиновности в их современной формулировке: никто не может быть наказан за преступление или проступок, подлежащие судебному ведомству, иначе как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу, что сводится также к осуществлению деятельности по отправлению правосудия на основе не только норм закона, но и нравственных норм. Представляется, что это свидетельствует о преемственности уголовного судопроизводства в аспекте нравственных начал и их жизнеспособности в разных государственно-правовых условиях, «живучести», несмотря на эпохальность происходящих вокруг изменений.

Об индивидуализации уголовной ответственности речь идет в ст. 15 УУС, при этом указано, что возмещение вреда возможно и за счет других лиц, указанных в законе, что предполагает: 1) в высочайшей степени ответственное отношение должностных лиц к деятельности по установлению виновных; 2) прописанную в законе гарантию восстановления прав участников уголовного судопроизводства. Такой характер ответственности предопределяет уголовное преследование в отношении виновных и невозможность привлечения к уголовной ответственности невиновных, что соответствует современному назначению уголовного судопроизводства.

Выделяются нравственным характером среди прочих норм ст. 21, 22, 25 УУС, поскольку предполагают улучшение положение лица, так как:

– правданный не может быть повторно привлечен к уголовной ответственности по тому же преступлению, даже в том случае, если открылись новые обстоятельства, изобличающие это лицо (ст. 21),

– осужденный не может быть вновь судим по тому же делу, даже если открылись обстоятельства, «увеличивающие его вину» (ст. 22),

– осужденный может рассчитывать на пересмотр его дела в случае открытия доказательств его невиновности или если назначенное ему наказание вследствие судебной ошибки является чрезмерным (ст. 25).

Подход законодателя того периода, представленный в первых двух пунктах, выглядит в высшей степени гуманным, но в то же время оправданным с нравственной точки зрения.

В качестве подгруппы в рамках рассматриваемой группы норм следует выделить нормы о разумном сроке

уголовного судопроизводства. О необходимости его соблюдения по УУС свидетельствует, в частности, ст. 129, согласно которой мировой судья обязан изложить приговор в окончательной форме не позднее трех дней с момента его объявления. Возможна подача жалобы на «медленность мирового судьи» (ст. 154 УУС).

В соответствии со ст. 295 УУС «предварительные следствия должны быть производимы со всевозможной скоростью».

На основании ст. 501 УУС жалоба лица должна быть рассмотрена судом «в первый присутственный день». При этом согласно ст. 306 УУС «объявления» (сообщения о преступлениях) и жалобы могут быть поданы в любое время в устной или письменной форме.

Изложенное указывает на решительную попытку законодателя уйти от порочной правоприменительной практики волокиты, бывшей «чумой» дореволюционного уголовного судопроизводства, конечно, прежде всего, путем установления ответственности должностных лиц за процессуальную медлительность.

В разрезе нравственных начал осуществления уголовно-процессуальной деятельности следует обратить внимание на нормы о составе суда, регламентирующие, в частности, коллегиальность и возможность отводов. Так, согласно п. 1 ст. 595 УУС в судебном заседании должны присутствовать не менее трех судей, включая председателя суда, что представляет собой как способ ограждения судебной власти и общества от судебных ошибок, так и демонстрацию полноты, объективности и всесторонности исследования обстоятельств дела.

При этом, если один из судей отсутствует по причине болезни или другим

причинам, его заменяет другой судья, а «судебное следствие и все прения на суде возобновляются с самого начала», что является гарантией непосредственности исследования обстоятельств дела каждым из судей.

О возможности отводов в УУС упоминается более 40 раз, что само по себе указывает на укрепление нравственных начал в уголовном судопроизводстве в связи с судебной реформой 1864 г. Перечень обстоятельств, способных послужить причиной для отводов в уголовном судопроизводстве, изложен лаконично, логично и полно, и предполагает возможность отстранения от участия в судебном разбирательстве в случае наличия родственных связей с участниками процесса, заинтересованности в исходе дела, участием в этом деле ранее в ином качестве. УУС регламентирована также возможность самоотводов.

Отвод судей регламентируется ст. 85–87 (основания и порядок отвода мирового судьи) и ст. 600–607 (основания и порядок отвода судьи из состава суда). Отводы возможны и в отношении иных участников уголовного судопроизводства (ст. 273, 287 и др.).

К следующей группе нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности времен действия УУС следует отнести нормы, регламентирующие необходимость обеспечения состязательности и равенства прав сторон. Термин «состязательность» четырежды упоминается в УУС, в то же время есть и иные нормы, которые предполагают в своем истолковании состязательные начала в уголовном судопроизводстве.

О равенстве прав сторон прямо говорится в ст. 630: прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, а подсудимый или его защитник — с дру-

гой, пользуются в судебном состязании одинаковыми правами.

О равенстве прав сторон можно судить и по ст. 622 УУС, согласно которой при проведении заседания суда в закрытом режиме, в зале заседания могут остаться родственники и знакомые подсудимого и потерпевшего, но не более трех человек от каждой из сторон.

В соответствии со ст. 734 УУС по новым доказательствам, представленным сторонами, суд обязан дать противной стороне возможность приготовиться к состязанию.

Все, что имеет отношение к состязательности, равным правам сторон в процессе настолько ново и беспрецедентно для послереформенного уголовного судопроизводства, что без преувеличения претендует на революционность и судьбоносность для государства и общества по значению и последствиям. Важно, что два эти атрибута нового процесса упоминаются лишь в контексте судебного производства, предполагая преобладание обвинительного начала в ходе предварительного следствия.

Следует оговориться и о значительной роли поверенного (присяжного поверенного) в становлении состязательности и нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности постреформенного периода, ранее неизвестного отечественному уголовному судопроизводству. Примечательно, что в качестве защитников допускались как присяжные поверенные, так и иные лица, которым закон не запрещает выступать в указанном статусе (ст. 565 УУС). В ст. 566 УУС упоминается также о возможности назначения защитника из числа присяжных поверенных или иных благонадежных лиц по инициативе суда. Сама по себе возможность представления интересов в суде независимыми компетентными лицами есть

колоссальный шаг на пути к цивилизованному, гуманному и справедливому правосудию.

Следующая группа норм, составляющих нравственные начала осуществления уголовно-процессуальной деятельности, представлена нормами, связанными с процедурой соблюдения и восстановления прав участников уголовного судопроизводства.

Так, в УУС подробно регламентированы основания и порядок представления жалоб и протестов. К их числу следует отнести прежде всего ст. 491 УУС, которая позволяет лицам, участвующим в деле, обжаловать следственные действия, нарушающее или стесняющее их права. Глава 12 УУС посвящена порядку обжалования следственных действий вообще, глава 9 УУС регламентирует обжалование окончательных приговоров мировых судей и их съездов, а раздел 5 УУС — обжалование решений общих судебных установлений.

На создание реальных условий для соблюдения прав участников уголовного судопроизводства и учета их состояния указывает содержание ст. 590 УУС, в соответствии с которой болезнь подсудимого и свидетеля является основанием для отложения заседания суда, о чем незамедлительно сообщается иным участникам судебного заседания. Аналогичное правило распространяется и на защитника подсудимого (ст. 591 УУС). Представляется, что такого рода нормы пронизаны уважительным отношением к участникам уголовного судопроизводства, а также их состоянию.

К рассматриваемой группе норм следует отнести и положения, связанные с реабилитацией лица, незаконно привлеченного к ответственности. Так, в ст. 26 УУС определено, что «восстановление чести и прав невинно осуж-

денного допускается во всякое время, несмотря ни на протечение давности, ни на смерть осужденного». Но даже если «неправильно осужденный» умер, производство по делу может быть возобновлено, а защиту прав такого умершего осуществляет защитник, избранный его родственниками или назначенный судом (ст. 939 УУС).

Во-первых, обращает на себя внимание соответствующая терминология и нравственный характер условий действия восстановительных процедур.

Во-вторых, закон фактически не предусматривает препятствий для восстановления прав незаконно осужденного, даже в случае смерти последнего.

Правовосстановительные процедуры предусмотрены и для оправданного. На основании ст. 32 УУС, оправданный решением судебного места имеет право в пределах, установленных законом (ст. 708–784), на вознаграждение за вред и убытки, нанесенные в связи с неправильным обвинением.

Вместе с тем в соответствии со ст. 783 УУС, оправданный может требовать взыскания в свою пользу вознаграждения не только с лица, недобросовестно инициировавшего судебное преследование, но и «с должностных лиц, в том числе и судебного следователя и прокурора, если может доказать, что они действовали пристрастно, притеснительно, без законного повода или основания или же вообще недобросовестно».

В качестве подгруппы исследуемой группы норм рассмотрим также положения о возмещении вреда лицам, потерпевшим от преступлений. Создатели УУС уделили этому вопросу достаточно внимания. Указано, что такое лицо может иметь в уголовном процессе также статус частного обвинителя или гражданского истца (ст. 6

УУС). В случае смерти обвиняемого иск о возмещении вреда, причиненного преступлением, может быть обращен к его наследникам (ст. 18 УУС). В соответствии со ст. 303 УУС для судебного следователя и прокурора обращение потерпевшего является обязательным, последнему не может быть отказано в принятии жалобы, которая является достаточным поводом к началу следствия. Сходная норма предусмотрена для начала производства у мирового судьи (ст. 48 УУС).

Нравственные начала производства предварительного следствия заложены в большом количестве норм, связанных как с условиями его производства, так и с исследованием события преступления (с производством отдельных следственных действий). Во всяком случае для начала производства предварительного следствия полиции важно было установить, действительно ли произошло происшествие, которое содержит признаки преступления или проступка (ст. 253 УУС). Для судебного следователя начало производства предварительного следствия должно было быть связано с наличием законного повода и достаточного основания (ст. 262 УУС), а о начале следствия он должен был сообщить прокурору (ст. 263 УУС). Вместе с тем для судебного следователя в равной степени важно было установление как уличающих обвиняемого обстоятельств, так и оправдывающих (ст. 265 УУС).

В ст. 290 УУС упоминается о необходимости производства неотложных следственных действий с целью фиксации следов, которые могут быть утрачены, и дабы существенно облегчить последующую деятельность коллег.

В нравственном контексте важно упоминание истины, для открытия которой судебный следователь может

проводить следственные действия в другом участке того же уезда и вне своего уезда (ст. 294 УУС), чем он может заниматься как в рабочие (табельные), так и в выходные (воскресные) дни (ст. 295 УУС).

В ст. 300 УУС сказано, что анонимные сообщения о преступлении (безымянные пасквили и подметные письма) не являются законным основанием для начала следствия, в то же время по таким сообщениям должны быть проведены полицейский розыск или дознание, в том случае, если готовится преступление, угрожающее общественному спокойствию.

Что касается производства отдельных следственных действий, то в нормах о них заложены важнейшие нравственные начала, создающие условия для проявления уважительного отношения к участникам судопроизводства, их чести и достоинству, должного берегающего отношения к обстоятельствам их личной жизни, такие как:

– приглашение в качестве понятых при осмотре и освидетельствовании лиц женского пола только замужних женщин (ст. 322 УУС);

– участие граждан (сведущих лиц) в установлении обстоятельств, имеющих значение для следствия: последние должны обращать внимание следователя на важные признаки, которые могут привести к открытию истины (ст. 333 УУС);

– приглашение к осмотру и освидетельствованию мертвых тел священнослужителей и монашествующих местного благочинного или настоятеля монастыря (ст. 339 УУС);

– запрет на присутствие судебного следователя при освидетельствовании женщин, если оно сопровождается обнажением тела и если этого требуют сами освидетельствуемые (ст. 351

УУС), при этом к такому освидетельствованию допускаются только женщины, на которых пало подозрение (ст. 352 УУС);

– наличие специальных положений в УУС об освидетельствовании обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным (ст. 353–356 УУС);

– производство обыска и выемки в присутствии понятых и хозяина дома, а при его отсутствии — при его жене или ком-либо из старших в доме лиц (ст. 358 УУС), обязательность объявления цели обыска и выемки (ст. 364 УУС), а также запрет на присутствие посторонних лиц в жилище без согласия хозяина (ст. 359 УУС);

– правило о производстве обыска и выемки в дневное время и лишь в исключительных случаях — в ночное время с указанием в протоколе причин, побудивших к этому следователя (ст. 363 УУС);

– запрет на необоснованное повреждение осматриваемых помещений следователем (ст. 366 УУС);

– крайне осторожный обыск в бумагах подозреваемого, без оглашения обстоятельств, не относящихся к следствию (ст. 367 УУС);

– обязательность всемерной помощи следствию со стороны должностных и частных лиц, ответственное отношение к помощи следствию (ст. 368 УУС);

– обязанность сохранения следователем в тайне сведений из документов, переданных присяжному поверенному и совместное их изучение с последним (ст. 370 УУС);

– запрет на привод обвиняемого и взятие его под стражу в ночное время, кроме крайних случаев, не терпящих отлагательства, и запрет при этом на оскорбление личности обвиняемого (ст. 392 УУС).

Таким образом, круг нравственных начал производства предварительного следствия весьма широк и осмыслен, к тому же законодателем предусмотрены механизмы для практической реализации приведенных выше норм.

Порядок и условия судебного разбирательства дела необходимо отнести к следующей группе норм УУС, содержащих в себе нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности.

Речь идет, прежде всего:

об открытости, гласности, публичности, устности, непрерывности разбирательства дела в суде, которые, по мнению А.Ф. Кони, являются «приобретениями, купленными слишком дорогою ценою многовековых страданий и заблуждений» [4, с. 78]:

ст. 587 — о делах, назначенных к слушанию, составляется объявление, которое прибавляется у дверей суда;

ст. 620 — судебные заседания по делам о преступлениях и проступках происходят публично. При этом приведен перечень дел, которые проводятся в закрытом заседании. В частности, это дела:

1) о богохулении, оскорблении святости и порицании веры,

2) о преступлениях против прав семейственных,

3) о преступлениях против чести и целомудрия женщин,

4) о развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве;

в ст. 88 также определены категории дел, которые в закрытом заседании рассматриваются мировыми судьями, в частности, «об оскорблении женской чести, непотребстве и других бесстыдных или соединенных с соблазном действиях»;

ст. 624 — после прений в любом случае разбирательство дела происходит публично;

ст. 625 — судебные заседания проводятся устно (изустно);

ст. 633 — «судебное заседание по каждому делу должно происходить непрерывно, за исключением времени, необходимого для отдохновения»;

ст. 830, 831 — приговор объявляется «при открытых дверях», даже если из участвующих в деле лиц никто не явился для этого;

об обязательности протоколирования судебного заседания — ст. 835–845, в которых в частности идет речь о недопустимости исправлений в протоколах;

о прениях сторон и последнем слове: ст. 632 — в судебном состязании сторон право последнего слово всегда предоставляется подсудимому или его защитнику;

о защитительной речи — в ней защитник всегда опровергает или ослабляет обвинение, строит свою речь на основе уважения к религии, закону, власти, не допуская оскорбительных высказываний в чей-либо адрес (ст. ст. 744, 745).

Тема доказательств и доказывания, являясь сердцевинной уголовного судопроизводства, в УУС не представлена отдельным разделом или главой. Но это не явилось препятствием для поистине революционных изменений в уголовном судопроизводстве, когда на смену старых подходов, включающих в себя формальную систему доказательств и необходимость установления формальной истины, пришли новые подходы, ориентированные на установление объективной истины, освободившие внутреннее убеждение судьи, которое, по справедливому замечанию А.Ф. Кони, было связано во время господства системы формальных доказательств [4, с. 43].

В то же время термин «доказательства» в УУС упоминается более 60 раз.

Выделяются вещественные доказательства (ст. 267, 369, 371), говорится о достоверных доказательствах (ст. 80, 425).

Кроме того, из смысла ст. 310 следует, что явка с повинной и признание явившегося отныне не «царица доказательств», а наличие у следователя сомнений в правдивости признающего вину является основанием для оставления явки с повинной «без последствий». Молчание подсудимого не может быть расценено как признание вины (ст. 685).

Ряд норм посвящен в УУС свидетельскому иммунитету и присяге (ст. 93–95, 666–669, 712–714). Уже можно выделить положения об абсолютном (ст. 93) и относительном свидетельском иммунитете (ст. 94).

Особенно следует выделить возможность отказа прокурора от обвинения, о котором он должен заявить «суду по совести» (ст. 740).

Появление в уголовном судопроизводстве института присяжных заседателей свидетельствует о начале новой эпохи в становлении нравственных начал уголовного судопроизводства того времени, в связи с чем существенным образом меняется облик и уголовно-процессуальная деятельность. Производству по уголовному делу, рассматриваемому с участием присяжных заседателей, посвящены, в частности, ст. 646–677, 801–828 УУС. К слову, в некотором смысле предречение А.Ф. Кони относительно судьбы присяжных заседателей оправдалось: «... едва ли скоро человечество придумает форму суда, могущую с прочным успехом заменить суд присяжных» [4, с. 79].

Законное и справедливое распределение судебных издержек также ложится в основу фундамента нравственных начал в УУС как один из его слоев. Регламентации судебных издержек отведена глава 11, равно как име-

ются и иные упоминания об издержках (ст. 75, 121, 122, 592 и др.).

С нравственной точки зрения особенно следует выделить:

ст. 121, 194 УУС, которые регламентируют возможность взыскания судебных издержек как с обвинителя, в случае недобросовестности обвинения, так и с обвиняемого, в случае признания его виновным;

ст. 198 УУС, согласно которой «все прошения, объяснения, отзывы и жалобы по делам о проступках, подсудных мировым судебным установлениям», освобождаются от уплаты госпошлины;

ст. 199 УУС, в соответствии с которой неимущественным осужденным бесплатно выдаются копии протоколов и приговоров мировых судей и их съездов.

В положениях об исполнении приговора необходимо выделить ст. 959 УУС, нравственный смысл в которой имеют нормы о том, что:

1) в случае болезни осужденного, препятствующей исполнению над ним личного наказания, оно отлагается до его выздоровления;

2) исполнение наказаний над женщинами беременными или недавно разрешившимися от бремени отлагается до истечения сорока дней после родов;

3) приговоренные к ссылке женщины, питающие грудью младенцев, не ссылаются до окончания полуторогодичного срока от рождения младенца, если сами не будут просить о скорейшем их отправлении.

О подобных послаблениях для беременных и кормящих женщин в местах заключения вообще указано также в ст. 970 УУС и в примечании к ней. Беременные женщины и женщины в течение сорока дней после родов освобождаются от работ, а для кормящих женщин до достижения ребенком полутора лет работы облегчаются до такой

степени, чтобы не был нанесен вред ни матери, ни младенцу.

Итак, анализ одного из величайших памятников права в области уголовного судопроизводства, явившегося результатом колоссальных по глубине и масштабу преобразований не только судопроизводственной и судостроительственной сфер, не только внутривнутриполитического курса государства, но и социальной жизни страны, направляет к мысли о неизбежности и злободневности судебной реформы 1864 г.

По всеобщему признанию отечественных и иностранных исследователей, судебная реформа Александра II есть «прогрессивное преобразование правовой жизни на протяжении всей истории дореволюционной России» [5; 6, с. 95].

Вопрос о духовных, религиозных, нравственных началах неоднократно поднимался как при разработке судебных уставов [7, с. 305], так и в период их действия [4], и даже спустя десятилетия после прекращения действия УУС [3; 7; 8; 9].

Исследование нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности по УУС позволяет прийти к следующим выводам. Разработка и принятие судебных уставов в ходе судебной реформы 1864 г. стали эпохальными событиями, положившими начало широкомасштабным как внутренним, так и внешним преобразованиям уголовного судопроизводства.

Внутренние изменения коснулись концептуальных основ, таких как отказ от формальной истины и ориентирование на достижение объективной истины, а, соответственно, и уход от системы формальных доказательств.

Внешне уголовно-процессуальная деятельность изменилась с провозглашением состязательности и равенства

прав сторон, публичности, открытости, гласности, устности, непрерывности судебного разбирательства, коллегиального рассмотрения дела судом и возможностью обжалования промежуточных и итоговых процессуальных решений, заметным сокращением срока производства по делу, недопущением волокиты и повышением уровня ответственности участников уголовного судопроизводства, обладающих властными полномочиями, включая судей, созданием гарантий и механизма соблюдения и восстановления прав лиц, участвующих в деле, подробной регламентацией процессуального статуса поверенных (присяжных поверенных) и широким кругом их прав, появлением института присяжных заседателей, справедливым распределением судебным расходов, особенностями исполнения решений суда в отношении отдельных категорий лиц, нуждающихся в особой защите, и др. Все перечисленные новеллы УУС

громогласно и уверенно повернули вектор развития уголовно-процессуальной деятельности в нравственно-гуманистическое русло, во многом положив основу генетическому сходству норм УУС с современным отечественным уголовно-процессуальным законодательством.

Несмотря на то, что А.Ф. Кони, подводя итоги судебной реформы 1864 г. спустя 50 лет с момента принятия судебных уставов, констатировал, что последние, будучи несогласованными с действительностью, являлись своего рода островками, где был «зажжен впервые, как маяк, огонь настоящего правосудия» [10, с. 167], тем не менее такие огоньки не были потушены окончательно в тяжелые времена поправок идеалов судебной реформы, и смогли послужить ресурсной основой для разжигания истинного правосудия и сегодня с жизнеспособными нравственными началами уголовно-процессуальной деятельности.

Список использованной литературы

1. Страхов С.Е. Проекты судебных преобразований XIX века в деятельности Комиссии по составлению законов и М.М. Сперанского / С.Е. Страхов. — DOI 10.17803/1994-1471.2016.68.7.011-019. — EDN XQODYJ // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 7 (68). — С. 11–19.
2. Смолькова И.В. Устав уголовного судопроизводства — великий памятник эпохи / И.В. Смолькова. — EDN VHMEHX // Глаголь правосудия. — 2014. — № 2 (8). — С. 48–53.
3. Васильев О.Л. Мысли А.Ф. Кони о нравственных началах уголовного процесса: исторический анахронизм или ориентир для реформ? / О.Л. Васильев. — EDN BBPRPJ // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. — 2019. — № 2. — С. 104–116.
4. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) / А.Ф. Кони. — EDN OFYTWP // Юриспруденция. — 2011. — Т. 21, № 1. — С. 69–94.
5. Печников Г.А. Устав уголовного судопроизводства 1864 года — коренной переход от формальной к объективной (материальной) истине и актуальные проблемы в современном УПК РФ / Г.А. Печников, Н.А. Соловьева, В.М. Шинкарук. — EDN TMJEJB // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 5, Юриспруденция. — 2015. — № 1 (26). — С. 42–48.
6. Шайхутдинова А.Р. Подготовка и принятие Судебных уставов 1864 г.: основания реформы и источники / А.Р. Шайхутдинова. — DOI 10.21603/2542-1840-2023-7-1-94-101. — EDN HNUGNO // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. — 2023. — Т. 7, № 1. — С. 94–101.
7. Кожевников О.А. Вопросы религии в общих учреждениях судебных установлений и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. / О.А. Кожевников. — EDN UHWRJJ // Судебная власть и уголовный процесс. — 2015. — № 4. — С. 304–308.

8. Уманец С.И. Нравственные и религиозные начала Устава уголовного судопроизводства 1864 года / С.И. Уманец, Н.Г. Шурухнов. — EDN UKEOUB // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2015. — № 5–6. — С. 26–31.

9. Муратова Н.Г. Теоретические положения и выводы А.Ф. Кони о достижениях Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (по страницам семи трудов) / Н.Г. Муратова, Н.Д. Муратова. — EDN TFWXEL // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 9 (46). — С. 1961–1965.

10. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы / А.Ф. Кони. — EDN SJHXGL // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. — 2014. — № 1. — С. 166–167.

References

1. Strakhov S.E. XIX Century Law Reform Projects in the Work of Commission on Codifying Laws and Mikhail Speransky. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2016, no. 7, pp. 11–19. (In Russian). EDN: XQODYJ. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.68.7.011-019.

2. Smolkova I.V. The Statute of Criminal Proceedings as a Great Historical Monument. *Glгол pravosudiya = The Verb of Justice*, 2014, no. 2, pp. 48–53. (In Russian). EDN: VHMEHX.

3. Vasil'ev O.L. Ideas of A.F. Koni on the Moral Foundations of the Criminal Process: A Historical Anachronism or a Beacon for Reforms? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 2019, no. 2, pp. 104–116. (In Russian). EDN: BBPRPJ.

4. Koni A.F. Moral Foundations in the Criminal Process (General Features of Court Ethics). *Yurisprudentsiya = Jurisprudence*, 2011, vol. 21, no. 1, pp. 69–94. (In Russian). EDN: OFYTWP.

5. Pechnikov G.A., Solov'eva N.A., Shinkaruk V.M. The Charter of Criminal Trial of 1864 — Radical Transition from Formal to Objective (Material) Truth and Actual Problems of Truth in the Modern Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya = Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence*, 2015, no. 1, pp. 42–48. (In Russian). EDN: TMJEJB.

6. Shaikhutdinova A.R. Preparing and Issuing the Judicial Statutes of 1864: Foundations of the Reform and Sources. *Vestnyk Kemerovskogo gosudarstvennogo univnrsyteta. Seriya: Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 94–101. (In Russian). EDN: HNUGNO. DOI: 10.21603/2542-1840-2023-7-1-94-101.

7. Kozhevnikov O.A. Questions of Religion in the General Clauses of Court Statutes and the Statute of Court Proceedings of 1864. *Sudebnaya vlast' i ugovnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2015, no. 4, pp. 304–308. (In Russian). EDN: UHWRJJ.

8. Umanets S.I., Shurukhnov N.G. The Moral and Religious Foundations of the Statute of Court Proceedings of 1864. *Predstavitel'naya vlast' — XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative power — XXI vek: legislation, commentary, problems*, 2015, no. 5–6, p. 26–31. (In Russian). EDN: UKEOUB.

9. Muratova N.G., Muratova N.D. Theoretical Provisions and Conclusions of A.F. Koni Regarding the Achievements of the 1864 Criminal Court Procedure Statute (Based on the Pages of Seven Studies). *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2014, no. 9, pp. 1961–1965. (In Russian). EDN: TFWXEL.

10. Koni A.F. The Fathers and Sons of the Court Reform. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2014, no. 1, pp. 166–167. (In Russian). EDN: SJHXGL.

Информация об авторе

Миронова Екатерина Юрьевна — ассистент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация.

Author Information

Mironova, Ekaterina Yu. — Junior Lecturer, Chair of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 29.07.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.08.2024

Принята к публикации / Accepted 03.10.2024

Дата онлайн-размещения / Available online 16.10.2024